

КАРЛ ХАНС
ШТРОБЛЬ

КАРЛ ХАНС
ШТРОБЛЬ

ЛЕМУРИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44
Ш93

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

Перевод с немецкого *Е. Крутовой, Г. Шокина*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Штробль, Карл Ханс.

Ш93 Лемурия : [сборник] / Карл Ханс Штробль ; [перевод с немецкого Е. Крутовой, Г. Шокина]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 416 с. — (Вселенная Стивена Кинга).

ISBN 978-5-17-177865-1

Карл Ханс Штробль (1877–1946) — австрийский литератор, известный историями о привидениях, демонах и загадочных явлениях. Писательскую карьеру начал в первые годы XX века, публикуя театральную и литературную критику в газетах. В Первую мировую работал военным корреспондентом, затем полностью посвятил себя литературной деятельности, выпускал в Германии журнал «Сад орхидей», считающийся первым в мире изданием, посвященным фантастике.

Подобно таким мастерам, как Густав Майринк, Лео Перуц, Ганс Эверс, Карл Штробль развлекал читателя начала «железного века» яркими фантазмагориями о вампирах и демонах, таинственных культах, оживающих автоматах, помещая героев в гротескные, неправдоподобные, но вместе с тем такие узнаваемые ситуации. Мистические сюжеты Босха, Брейгеля и Гойи словно бы оживают в этих литературных полотнах...

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

© Перевод. Е. Крутова, 2025

© Перевод. Г. Шокин, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-177865-1

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
ТРИ КАРТИНЫ ИЕРОНИМА БОСХА.....	13
Русалка.....	13
На перекрестке.....	20
Инквизитор.....	23
ГОЛОВА.....	28
ЙОНАС БОРГ, МИЗАНТРОП.....	39
МАНУСКРИПТ ХУАНА СЕРРАНО.....	64
«И ЮНЫЕ КОСТОЧКИ ПЛЯШУТ...».....	92
СЛУЧАЙ С ЛЕЙТЕНАНТОМ ИНФАНГЕРОМ.....	112
МАРИНЕШКУ.....	127
ГРОБНИЦА НА ПЕР-ЛАШЕЗ.....	155
ПРОЛИВАЯ КРОВЬ.....	187
ШЕСТОЙ ЗА СТОЛОМ.....	207
СКВЕРНАЯ МОНАХИНЯ.....	223
ЛАЭРТ.....	259
БОГОМИЛЬСКИЙ КАМЕНЬ.....	273
ЗАКЛИНАТЕЛЬ ТЕНЕЙ.....	279
У БУШМЕНОВ.....	308
ОТДАЧА ВОЛИ.....	319
АВГУСТОВСКАЯ ПУЩА.....	333
ТРИУМФ МЕХАНИКИ.....	354
АВТОМАТ ХОРНЕКА.....	368
МЕЙСТЕР ЙЕРИХО.....	379
АГНЕЦ НА ЗАКЛАННИЕ.....	391
БУНТ СЛЕПЦОВ.....	404

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой Карл Ханс Штробль!
В то время, в апреле 1915 года, когда состоялась наша первая встреча, мы еще не были знакомы лично. Мы переписывались на протяжении практически десяти лет, но в том году впервые встретились лицом к лицу. В то время я пребывал в главном штабе сухопутных войск в Жолне — туда нас перевели из Тешена. Предчувствие грядущих тягот войны витало в воздухе и заставляло военных корреспондентов вроде меня изо дня в день строчить ответы на вопросы солдат, горожан и командования.

Коренастый, хорошо сложенный турист сошел с венского экспресса, привезшего и нас в Жолну. Фото, конечно, не передавало всей грандиозности вашего облика — светлая борода, мощное сложение. Наша журналистская «бывалая» братия, разодетая в строгие светские костюмы, с понимающими улыбками реагировала на вашу полную армейскую экипировку — как на проявление наивности всякого начинающего военкора, полагающего, что первым же днем отправится прямо на линию фронта.

Что ж, вскоре мы поняли, что для вас, любителя пеших прогулок по природе, высокие армейские сапоги и потертый бушлат — не экипировка, а светский костюм, причем на диво удобный в использовании. Не-

утомимый дух путешественника в свое время провел вас по самым грязным трактам Галиции, вознес к одиноким сторожевым башням высоко в снегах Альп и заставил преодолеть бездорожье и замерзшие пустоши албанских гор — те края, где нет указателей, и лишь слепой либо насквозь первобытный человек способен хоть как-то ориентироваться без дрожи. Городские кварталы, что для большинства — желанная гавань отдыха, для вас всегда были лишь отправной точкой для новых приключений на просторах Словакии. Когда немецкие военные колонны начали проходить через Жолну, американских военных корреспондентов как раз отправили на словацкую базу в Надьбички; остальные изнывали от желания оказаться там же — но вы, друг мой, сохраняя невозмутимость духа, трудились в своей комнате наверху в старом замке, превращенной вашими стараниями в самую настоящую писательскую мастерскую. И при этом, довершая второй том вашего «Бисмарка», вы умудрялись не забывать регулярно навещать ближайшие хорошие винные таверны!

Но мировая историческая буря, разрядившая всеобщее напряжение громом, молнией и бряцаньем стали, набирала обороты. Нас созвали к специальному поезду, усадили в самый последний вагон и велели сидеть тихо — но вы, я и еще один американский лихач все равно взялись за походные винтовки и прямо на ходу состава умудрялись сшибать с молодых весенних деревьев почки. «Лузитания» затонула, а форт Конджер рапортовал о том, как в безупречно голубом мировом небе собираются странные облачка. Через два года им было суждено перерастить в новую мировую бурю. Какое нам было до всего этого дело! Да, мы одержали победу! Вы, со своей стороны, не участвовали в тех первых кампаниях осени и зимы, когда мы прятались по отдаленным уголкам, как напуганные цыплята, и каждый раз вздрагивали от возвещавшего о судьбах войны барабанного боя. Именно тогда мы отправились из Дуклы к Высоким Татрам, затем сно-

ва со штаб-квартирой через Карпаты обратно в Сандец, и после разочарования в Сербии нас отбросило обратно в Словакию, где и начался беспокойный зимний сон. До тех пор вы смотрели на мир со сторожевой башни своей лейпцигской редакции, и вот теперь захотели вернуться на родину, в Австрию, и отправились туда весной — с победным маршем.

Позже, по стечению обстоятельств, фронт разлучил нас. Но потом, по возвращении с полей сражений, мы снова встретились в штабе. То был хороший вечер — свободный от всех ужасов войны, от ее смертоносных чар. Вы, Карл Ханс Штробль, сидели тогда за роялем, слегка расставив сильные свои ноги, совсем как великий мастер Готфрид Келлер на гравюре Штауффера-Берна. Вы играли отменно, и вино не путало вам ноты, а наоборот, обостряло чутье к гармонии. Что и говорить, в мастерстве принять на грудь вам не было равных — ибо студенческие годы в Праге вооружили вас и со временем сделали невосприимчивым даже к дешевому пиву. Об этом мы узнали из трех ваших первых романов — книг о пылающем сердце и о том, каково это — быть молодым и требовательным. Хирург считает, что ваше сердце не совсем в порядке — что может хирург знать о сердце поэта? Его подпитывают все проявления жизни, и оно никогда не стареет!

Я часто спрашиваю себя, откуда у вас столько времени, чтобы писать? Кажется, что ваш день расписан по минутам — вне зависимости от того, какую должность вы занимаете: водителя, редактора или военного корреспондента. И тем не менее уже больше тридцати книг вышло из-под вашего пера, и по всему миру в общей сложности разошлось более ста тысяч экземпляров. Не все, что вы пишете, можно измерить одинаково — но все исходит из источника, кажущегося неисчерпаемым. Без стеснения «профессионального литератора» — можно ли придумать участь хуже! — вы выплескиваете на бумагу страстные и странные фантазии. Порой это нечто веселое и непри-

нужденное, порой — подлинно историческое и пронизанное тонким знанием вех цивилизации, иногда — как в случае с «Лемурией» — это что-то темное и опасное, сущий пандемониум. Первый период вашего творчества начался еще полвека назад. Ваши студенческие годы до сих пор, как я упомянул, откликаются в трех романах: «Трактир Вацлава», «Ущелье Щипка» и «Королевская таверна в Перемышле». В этих текстах нет ничего особенного. Сотни романов начинаются одинаково. Но что удивительно в этих трех романах, так это атмосфера минувших времен — проработка деталей, придающая им чуткую достоверность. В то время вы учились в Праге, и между чехами и немцами развязалась кровавая борьба. Вы, коренной и лояльный немец, естественно, встали на сторону Германии, и все же — до чего объективно вами воспринят тот конфликт! Ваш темперамент особо бросается в глаза, но в ваших ранних книгах нет ненависти, обычно присущей горячо и радикально видящей все и вся молодежи. Вы всегда читали доблестную дуэльную традицию, когда мужчины по тем или иным причинам меряются силой; чем мощнее противник, тем выше честь одержать верх — но и проиграть не страшно. С детства вы были в близких отношениях со своими чехословацкими соседями, были знакомы с их историей, их речью, их песнями, их музыкой и их ярким чувством преданности, не впадая при этом в слепую ненависть и не цепляясь за партийные догмы.

Благодаря этому, а также благодаря вашей свежей, неприкрашенной воле эти романы — свидетели Праги, ныне не существующей. Уже одно это ценно — и печатник Штакманн правильно сделал, переиздав их. Они — то, из чего предстоит произрасти таланту истинного Штробля. Финал «Трактира Вацлава» — своего рода квинтэссенция вашего творчества: жизнь во всей ее полноте, радость — прекрасная, страстная и кроваво жестокая; и «Лемурия» воспекает все, что делает жизнь яркой и опасной — сильные эмоции, грубые инстинк-

ты и чувственные удовольствия, жажду знаний и волю к власти. Иная воля даже после смерти ее носителя не ведает покоя — и алчно устремляется в трансцендентный мир идей, возвращаясь оттуда с призраками, вампирами, дьяволами, ведьмами, феями и лемурами.

Чувственная ненасытность превращает русскую дворянку в вампиршу в «Гробнице на Пер-Лашез», а в «Проливая кровь» показано, как дьявол любит мучить людей — особенно тех, кто претендует на святость. Подавленная сексуальность превращает сестру Агафью в «скверную монахиню», и эта «скверна» в ней так сильна, что живет спустя века. Узвленная душа убиенного на подмостках Лаэрта ищет отмщения — и возвращается к роли; жестокая ранняя смерть и любовь призывают студентку Беттину и Заклинателя Теней вернуться из могилы, с той стороны. Границы, определяющие Время, Пространство и Смерть, рушатся в рассказах этого сборника. Время и безвременье, настоящее и запредельное — все это перетекает друг в друга. Во время своих фронтовых путешествий вы, по собственному утверждению, повидали Ад воочию и побывали с дьяволом на короткой ноге — так что эффект от этих историй жуткий вдвойне, ведь они напоминают свидетельства очевидца. В них самоуверенный бездушный интеллектуализм современного общества сочетается с пугающим состоянием сна разума — и рождает фантом, в коем физика и метафизика сходятся в пугающе равных пропорциях. Похоть, сластолюбие, страсть к выпивке... Проверенные мастера фантазии, Эдгар По и Эрнст Теодор Амадей Гофман, сходятся во мнении, что именно эти необузданные порывы в конечном итоге заводят грешников в лабиринты подлинного кошмара — и такие шедевры, как «Скверная монахиня», «Манускрипт Хуана Серрано» и «Шестой за столом» сравнимы по оказываемому на читателей эффекту с самыми мастерскими и изощренными выдумками этих двух литературных чародеев. Хотя к чему все эти слова — пусть читатель во

всем удостоверится сам! Я же весьма далек от того, чтобы четко сформулировать лейтмотив ваших «ужасных» рассказов. Но в этом литературном направлении вы небывало компетентны, и «Лемурия», равно как и ваш сборник «Хрустальный шар» — явные тому свидетельства. Я рад видеть старого Карла Ханса Штробля в литературном строю — этому фантазеру и сам я, и сто тысяч читателей по всему миру благодарны. Но не менее радостно видеть мне и нового Штробля — моего хорошего товарища в военное (и вскоре, надеюсь, и в мирное) время.

*Леонхардт АдельРодау,
10 мая 1917 года*

ТРИ КАРТИЦЫ ИЕРОНИМА БОСХА

РУСАЛКА

Долговязый Петерс несется назад в деревню, неистово размахивая своими длинными руками — будто в него злой дух вселился. На секунду из окна своей кухни выглядывает супруга пастора. Увидев бегущего вприпрыжку ошалевшего Петерса, она от страха роняет половник. Супруга пастора ждет ребенка. Ее тут же пронзает обжигающий ужас. Смертельно бледная, она опускается на деревянный ящик у очага. Страдая от внезапной режущей боли, одну руку она прижимает к животу, другой же судорожно шарит по стене. Дрожащими пальцами она задевает висящую на гвозде солонку, та падает, и белая соль смешивается с золой из очага. Широко открытыми, полными ужаса глазами она смотрит в пустоту.

Долговязый Петерс тем временем бежит по деревне и громогласно зовет всех наружу. Его ноги будто скачут впереди него, а руки крутятся почище крыльев ветряной мельницы. Его истошный крик вырывается прямо из легких.

Из всех дверей выскакивают женщины и бегут за ним вслед. Он не сбавляет темпа, пока не обегает все деревенские улочки. Бледный и задыхающийся от усталости, он стоит посреди толпы на деревенской площади.

С любопытством и нетерпением смотрят на него женщины:

— Что случилось? Что такое? Да что же, наконец? Что?..

— Нашли русалку! Рыбаки нашли. На берегу... и она там лежит, и не может уплыть... ее выбросило на берег... у нее рыбий хвост и зеленая кровь... она лежит там... всем нужно пойти и посмотреть на это.

Тогда женщины разбегаются, надевают кто чепцы, кто платки, и уже через пару мгновений целая процессия быстрым шагом выходит из деревни. В самом хвосте, хро-мая, настолько быстро, насколько позволяют ей ее старые ноги, волочится маленькая, высохшая столетняя бабка Петерса. За руку ведет она своего юного правнука — малыш спотыкается то и дело. Ветер пытается сорвать с женщин платки. Юбки их раздуваются, будто паруса.

С высоты дюны они уже видят столпившуюся группу рыбаков. Те сбились в кучу и что-то разглядывают, не отрываясь. Наконец женщины пробиваются сквозь толпу мужчин и своими глазами видят морское чудо.

Наполовину девушка, наполовину рыба... Маленькое бледное личико с большими голубыми глазами, мечущимися от одного к другому, полные смертельного ужаса. Тяжелые белокурые локоны закрывают плечи. По маленьким выпуклым грудям стекают капли воды.

Вместо ног у девушки тонкий красно-зеленый чешуйчатый хвост. Низ ее живота и весь хвост до самого плавника испещрен мелкими блестящими чешуйками, подогнанными одна к другой плотно, как элементы кольчуги. Внизу, у плавника, можно увидеть страшную рану. Плавник практически оторван. Лишь благодаря какому-то тонкому лоскутку он остается частью целого. Из раны сочится густая изумрудная кровь, окрашивая в зеленый цвет песок вокруг морской девы. Она, должно быть, поранилась об острую скалу, а потом ее, беззащитную, выбросило волной на берег.

Рыбаки, женщины и дети так и стоят вокруг, и смотрят на морское чудо пустыми глазами. Но наконец чары рассеиваются. Что это? Знамение? Как им быть с этим?

Кто-то предлагает положить ее в сети и унести в деревню.

— Нет, только не в деревню! — восклицают женщины. — Нам нужно спросить у пастора! Пусть кто-нибудь приведет пастора!

И долговязый Петерс мчится за пастором. Остальные спорят, перекрикивая один другого. Все задаются вопросом, и никто не знает, что делать. А голубые глаза морской девы по-прежнему полны ужаса. Она неустанно смотрит то на одного, то на другого. Наконец взгляд ее останавливается на Йенсе... Широкоплечий юноша проталкивается в первый ряд. Он ни у кого ничего не спрашивает и никому ничего не отвечает. Он лишь неотрывно смотрит на русалку, лежащую у его ног.

Ее взгляд тоже больше не мечется, теперь он прикован к фигуре юноши. Их взгляды встречаются... и тогда она стыдливо прикрывает тяжелыми локонами свои нежные юные груди. Оба не слышат ничего, хотя гул голосов вокруг не прекращается. Богатей Клаас высказывает предложение забить дьявольское создание до смерти и выкинуть обратно в море. Женщины одобряют, и рыбаки уже направляются к своим лодкам за веслами.

Но тут Йенс нарушает молчание.

— Ее никак нельзя убивать, — говорит он своим глухим голосом. — Я заберу ее к себе и вылечу, а потом отпущу обратно в море.

— Йенс! — восклицает из толпы его мать.

Но Йенсу все равно, что скажут другие. Если пастор учит паству быть милосердными даже к животным, и по-прежнему стоит помогать тем, кто наполовину человек!

Женщины поднимают крик, мать Йенса начинает рыдать.

«Уж пастор-то поймет», — думает Йенс.

— Пастор пришел! — выкрикивает кто-то, и пастор и в самом деле оказывается в кругу толпы. Он очень взволнован — так, что ноги подкашиваются. Руки дрожат, на лбу выступает холодный пот. Его жена дома корчится от мук.

— Что за шум вы подняли? — спрашивает он.